

Элис

Тень реальности

Алексей
Корзунин

Алексей Корзунин

Элис тень реальности

<https://litres.ru/73961003>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алекс жил обычной жизнью: работа, усталость, тревожные мысли и ощущение, что каждый день повторяет предыдущий. Он привык спешить, терпеть, сравнивать себя с другими и делать вид, что всё нормально.

Но однажды странный сон, встреча с незнакомой девушкой и прогулка через парк начинают менять привычную картину мира. Реальность будто даёт сбой: появляются знаки, голоса, отголоски событий, которых Алекс не понимает, и старик, который знает о нём слишком много.

Чтобы найти ответы, Алексу придётся пройти туда, куда он всю жизнь боялся смотреть, — внутрь себя. Туда, где живут страх, тень, забытые вопросы и голос, который однажды всё-таки спросит: кто ты на самом деле?

«Элис. Тень реальности» — мистико-философская история о человеке, который теряет привычную опору, чтобы впервые услышать себя.

Содержание

Пролог. Знак	4
Глава 1. Воскресное утро	7
Глава 2. Необычный сон	10
Глава 3. Обыденность	16
Глава 4. Отражение	21
Между строк	28

Алексей Корзунин

Элис тень реальности

Пролог. Знак

© Алексей Корзунин, 2026

Все права защищены.

В глубине осеннего парка, на старой лавке, сидел старик. Сумерки медленно опускались на аллею. Фонари уже горели, но их свет не разгонял темноту — только делал её мягче. Жёлтые пятна ложились на мокрую брусчатку, на редкие листья, на стволы деревьев, уходящие в туман.

Старик сидел спокойно, чуть наклонившись вперёд. Широкие поля шляпы скрывали его глаза, но в самой его позе не было ни усталости, ни случайности. Он будто давно выбрал это место и теперь просто ждал нужного момента. Нижняя часть лица была освещена слабым светом фонаря: сжатые губы, седая щетина, морщины у подбородка. Не дряхлость — скорее след времени, которое прошло через него и не сломало.

Одна его рука лежала на трости. Кожа была тонкой, возрастной, с заметными венами и пятнами, но пальцы держали набалдашник ровно и уверенно. В этом движении чувствовался

лась не слабость, а привычная собранность. Чуть выше большого пальца тянулся тонкий белёсый шрам — старый, почти сросшийся с кожей, но всё ещё заметный в свете фонаря.

На пальце тускло блеснул золотой перстень. В центре перстня темнела круглая вставка. На ней была вырезана звезда — простая, строгая, пятиконечная. Тонкие линии сходились ровно, словно кто-то оставил на камне не украшение, а печать.

Старик едва пошевелил пальцами, и на миг от перстня пробежал слабый золотой отблеск. Он скользнул по трости, по руке, на мгновение зацепил белёсую линию шрама, прошёл по краю лавки — и исчез.

Старик поднял взгляд. Впереди, по аллее, шёл человек — один, неторопливо, ещё слишком далеко, чтобы можно было разглядеть лицо.

Старик смотрел на него так, будто ждал именно этого момента. Его голос прозвучал негромко, но уверенно:

— Человек думает, что он центр Вселенной. Что всё вращается вокруг него.

Он помолчал. Где-то рядом ветер сдвинул сухие листья.

— Ошибается. Всё устроено гораздо сложнее.

Трость тихо коснулась земли. Человек вдалеке продолжал идти по аллее, и старик чуть заметно усмехнулся.

— Каждый из нас — часть большого замысла, мой друг. Но путь всё равно приходится проходить самому.

Он снова посмотрел на перстень, затем медленно поднял

голову.

— И самое трудное не в том, чтобы найти дорогу. Самое трудное — понять, что ты уже по ней идёшь.

Фигура на аллее стала ближе.

— Ну вот, — тихо произнёс старик.

Золотой отблеск снова вспыхнул на перстне — на одно мгновение, как знак.

Старик провожал взглядом приближающегося человека и почти беззвучно добавил:

— Значит, путь начался.

Глава 1. Воскресное утро

Я проснулся так, словно меня вытащили с самого дна. Резко вдохнул и несколько секунд не мог понять, где нахожусь. Потолок был родной, знакомый. Комната — тоже. А внутри всё казалось чужим.

Я нащупал телефон и, щурясь от света экрана, посмотрел на время. Цифры показали ровно 6:00, как обычно, только сегодня было воскресенье.

— Не может быть...

Я попытался вспомнить субботу, но память молчала. Не прятала детали, не путалась в мелочах — просто не давала ответа. Будто целый день выпал из жизни, оставив после себя только мутные следы.

Последнее, что всплывало ясно, было странным набором обрывков: тяжёлый день, вечерняя усталость, вопрос, сказанный почти в отчаянии, сон, гул мотора, парк, фонари, тишина, непонятные чувства внутри и чей-то голос.

А дальше всё начинало плыть: старик, аллея, тень, женский голос, моё имя — Алекс, и ещё одно имя — Элис.

Я сел на кровати и провёл ладонью по лицу. Чем сильнее пытался восстановить события, тем больше они распадались. Мне казалось, всё началось с того самого сна. А может быть, и раньше — с вопроса, который сорвался с губ в темноту после тяжёлого дня:

— За что мне всё это? Почему со мной это происходит?

Тогда я не ждал ответа. Я просто произнёс это в отчаянии — в пустоту вокруг себя. Но теперь, сидя на краю кровати, я уже не был уверен, что пустота промолчала.

Обычно я просыпался с тяжёлым комом тревоги в груди. Жизнь наваливалась сразу — без слов, без объяснений, всей своей привычной тяжестью. Но сейчас было иначе.

Голова была тяжёлой, тело — ватным, но внутри стояла неожиданная тишина. Ни радости, ни восторга, просто спокойствие, странное и непривычное. Привычный внутренний шум исчез, и на его месте осталась пустая, но мягкая тишина.

Я ещё раз посмотрел на телефон. Воскресенье, шесть утра. Комната та же, кровать та же, всё вокруг было на месте, кроме меня самого.

Я не мог объяснить, что произошло. Не мог доказать даже себе, что это было на самом деле. Но одно я знал точно: через пару дней всё могло превратиться в смутную историю, которую легко списать на усталость, стресс или странный сон. И всё же я чувствовал: если сейчас отпущу — потеряю что-то очень важное, а мне не хотелось этого делать.

Я потянулся к тетради, лежавшей на столе, и взял ручку. Долго смотрел на чистый лист. Слова не шли. В голове были только обрывки, тени, голоса, вспышки света и одно упрямое ощущение: всё это случилось не просто так.

— Ладно, — тихо сказал я себе. — Начну с начала.

Ручка коснулась бумаги, и я написал о том вечере, когда впервые задал вопрос, на который, как оказалось, ответ всё-таки пришёл.

Глава 2. Необычный сон

Это был четверг. Ночь уже была близко. Я хорошо помню время — 22:22. Перед тем как лечь, я посмотрел на часы, и эти четыре цифры почему-то сразу зацепились за память.

День был тяжёлым. Не просто утомительным, а таким, после которого кажется, будто весь мир незаметно сдвинулся против тебя. Всё шло не так. Люди говорили не то. Дела рассыпались. Мысли путались. Жизнь снова уходила куда-то в сторону, и я не мог понять, почему всё время оказываюсь не там, где хотел быть.

Я лёг на кровать и долго смотрел в темноту. Сил почти не осталось. Внутри была не злость и даже не обида — что-то глубже. Глухая боль, которую невозможно объяснить словами. Она просто была, давила изнутри и не отпускала.

Я повернулся на спину, закрыл глаза, но сон не шёл, и тогда из меня почти беззвучно сорвался вопрос:

— За что мне всё это? Почему именно я? Что я сделал?

Это не было обычной жалобой. Скорее крик о помощи человека, который слишком долго пытался держаться и наконец запутался в самом себе.

Я не помню, сколько ещё лежал после этого. Странно, но заснул неожиданно легко. Будто внутри выключилось последнее сопротивление. Мысли стихли, тело провалилось, и я незаметно ушёл вниз, в сон.

Сначала появился только крошечный участок лесной тропы — и больше ничего. Под ногами был клочок земли, несколько корней и влажная тёмная почва. А дальше со всех сторон начиналась пустота. Не ночь, не лес, не туман — именно пустота, словно вокруг натянули чёрную ткань: гладкую, без швов, без края.

Я сделал шаг вперёд, и тропа возникла под ногой только в тот миг, когда стопа коснулась земли. Позади она сразу исчезла. Всё остальное оставалось тьмой, без пути назад и без пространства вокруг. Только следующий шаг.

С каждым шагом от меня отслаивалось что-то крошечное. Не плоть, не кожа, а что-то другое, чему я не мог дать имени. Оно уходило без боли и без следа, но я чувствовал: исчезает не тело, уменьшается что-то внутри.

Невозможно было понять, что именно я теряю. Но ощущение становилось всё яснее: кто-то молча разбирает меня по частям, спокойно, без спешки и без остановки, пока я продолжаю идти.

Страх давил всё сильнее, но назад повернуть было нельзя. За спиной уже не было дороги. Только впереди, в темноте, снова появлялся новый кусок тропы.

И вдруг справа мелькнул быстрый золотой отблеск. Что-то скользнуло по тыльной стороне моего запястья и тут же исчезло, оставив резкое покалывание.

— Чёрт возьми... что это было?

Я не остановился, но сразу опустил взгляд. По руке текла

кровь — тёмная, густая, почти чёрная в этом странном свете. Она капала вниз и пропадала в пустоте рядом с тропой.

Боль пришла не сразу. Сначала было только непонимание. Потом я схватился за запястье, и острая резь прорвалась наружу.

В тот же миг из темноты сбоку что-то схватило меня за руку. Я дёрнулся, но хватка не ослабла. Из мрака выступала только кисть — чёрная, жёсткая. На пальце тускло блеснул тёмный перстень. Лица я не видел. Того, кто держал меня, будто не существовало. Была только рука, сжимающая моё запястье.

Следом прозвучал голос. Низкий, резкий, настороженный. В нём не было силы, которая защищает. В нём была сила, которая ломает.

— Подожди. Не иди дальше. Ты не сможешь.

Я попытался вырваться и сделал ещё шаг, но рука потянула назад.

— Ты слабый, — продолжил голос. — Слабый и немощный. Куда ты собрался?

От этих слов стало хуже, чем от боли в руке. Голос не говорил ничего нового — он только повторял то, что и так давно сидело у меня внутри.

Я продолжал идти вперёд, но теперь каждый шаг давался с сопротивлением. Тропа возникала под ногами, кровь капала в пустоту, рука тянула назад, а голос снова шептал из темноты:

ваться безымянные частицы. Кровь падала в пустоту. Тропа появлялась и исчезала. Тьма давила со всех сторон так сильно, что в какой-то момент я перестал понимать, где нахожусь и кто я.

Остался только страх, боль, чужая рука на запястье и голос впереди.

Я вздрогнул — и очнулся.

Комната была тёмной. Холодный пот стекал по телу. Сердце колотилось так, будто я действительно бежал, а не лежал всё это время в кровати. Воздух казался холодным, но это не помогало. Внутри всё ещё стояла та же тьма.

— Это был сон... или нечто другое? — выдохнул я.

Рука машинально схватила правое запястье. Ни крови, ни раны, только лёгкое жжение, будто боль не ушла до конца, а спряталась глубже под кожу.

Я попытался успокоить себя: просто сон, усталость, воображение, нервы. Такое бывает, не надо придавать этому значение.

Но картины не уходили: чёрная ткань, короткий участок тропы, золотой отблеск, кровь, рука, которая держала меня крепко, и голос впереди, произнёсший моё имя так, словно знал меня лучше, чем я сам.

Тьма осталась рядом. Не вокруг — внутри. Она давила на грудь, и на мгновение мне показалось, что чужая рука всё ещё сжимает моё запястье.

Я повернул голову и посмотрел на часы. На экране было

2:00.

До утра было ещё далеко. Можно было лечь и попытаться снова уснуть, но сама мысль о сне вызывала страх. Я боялся закрыть глаза и снова оказаться там, на тропе, где каждый шаг забирал у меня что-то безымянное.

— Попробуюсь, — тревожно прошептал я.

Я лёг на спину и закрыл глаза. Сначала ничего не происходило: только темнота под веками, частое дыхание и тяжёлое сердцебиение. Но стоило мне чуть глубже провалиться в усталость, как образы вспыхнули снова: чёрная ткань, короткий участок тропы, пустота, рука на запястье и два голоса. Один унижал и тянул назад, другой ждал впереди и тихо напевал странный мотив.

Страх снова поднялся внутри, но сил сопротивляться уже не было. Я дышал прерывисто и мелко, как после ледяного душа. Постепенно сердце стало биться ровнее, тело тяжеле-ло, мысли расплывались.

Тьма не ушла до конца, но отступила, и сон наконец забрал меня.

Глава 3. Обыденность

Звон будильника разорвал тишину.

Я с трудом открыл глаза. В комнате было ещё темно. Только экран телефона бил в лицо холодным светом и заставлял щуриться. Будильник звенел настойчиво. Он не просто напоминал о времени — он требовал немедленно вернуться в обыденность.

На экране было 6:00. Пора вставать.

На мгновение мне показалось, что часть меня всё ещё там — во тьме, на коротком участке тропы, где каждый шаг появлялся только под ногами. А другая часть лежит здесь, на кровати, судорожно дышит и пытается понять, где заканчивается сон и начинается реальность.

В голове вспыхнули обрывки: тропа, рука, голос, кровь. Потом — другой голос, далёкий и странно знакомый: «Я ждала тебя, Алекс», и следом тихий напев: ооооммааа... оооооммааа... ооом...

Я резко схватился за запястье, почти уверенный, что увижу глубокий порез. Сон был таким живым, что язык не поворачивался назвать его сном. А реальность после пробуждения вдруг потеряла прежнюю твёрдость.

Но на руке ничего не было — только лёгкое покалывание в том самом месте, где во сне золотой отблеск оставил порез. Кожа помнила боль, которой уже не существовало.

Я попытался привести себя в чувство: сон, просто сон. Но он сидел внутри, как заноза, и не хотел уходить.

Рука потянулась выключить будильник и полежать ещё хотя бы пять минут, но зависла над экраном: нельзя, иначе я опоздаю, не успею на автобус, не доделаю отчёт, а вечером снова буду мучить себя мыслями, почему не встал сразу, почему потерял время и почему опять всё сделал не так.

Мысли налетели разом, как стая чёрных ворон.

Я сел на край кровати, потом резко вскочил и щёлкнул выключателем. Свет ударил по глазам. Во рту было сухо, тело казалось вялым, словно ночь не дала мне отдохнуть, а только навалила на меня ещё один невидимый груз.

Собрался я быстро, не думая: ванная, завтрак, ключи, куртка. В общем, всё как обычно. Я делал одно за другим и толком не понимал, что именно делаю. Утро само вело меня по давно выученному маршруту. Я нащупал ключи в кармане, вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

На лестничной площадке было тихо. Я стал спускаться быстрее обычного, перескакивая через ступени. Навстречу поднимался сосед.

— Доброе утро, Алекс, — сказал он.

Я кивнул и сразу отвёл взгляд. Мысли уже были не здесь: автобус, работа, отчёт и этот странный сон.

Слава богу, пятница, мелькнуло в голове. Завтра выходной. Наконец-то отдохну хоть немного от этого бесконечного круговорота проблем. Но отдохну ли? Эта мысль появилась

и тут же утонула в беспокойстве.

Лишь бы не опоздать, лишь бы всё сделать вовремя. Дел много, всё надо успеть.

По дороге к остановке я несколько раз ловил себя на том, что снова прокручиваю этот сон. Каждый раз от этого становилось не по себе. Я пытался отмахнуться от него, как от навязчивой мысли.

Это просто сон. Ничего больше. Просто сон.

Но почему тогда он не отпускал? Почему держался так крепко? Что он значит? Или это просто воображение играет со мной?

На остановке люди стояли молча и смотрели в телефоны. Подъехал автобус. Я зашёл машинально, протиснулся внутрь и встал у окна. Всё было обычным: влажные куртки, сонные лица, запах утреннего транспорта, гул мотора.

И вдруг в этом гуле послышалось — не словами, скорее дальним отголоском:

«Наконец-то... Я ждала».

Я вздрогнул и оглянулся. Никто на меня не смотрел. Люди ехали каждый в свою сторону, каждый внутри своей жизни.

В глазах на секунду потемнело. Я крепче схватился за поручень. Только так получилось удержаться на месте.

До работы я добрался почти не помня дороги.

Дальше началась привычная рутина. Переоделся. Делал то, что должен был делать: писал, отвечал, выполнял задачи, переключался с одного дела на другое. Время тянулось мед-

ленно и вязко.

День с самого утра пошёл явно не туда. Всё валилось из рук. То одно было не так, то другое. Кто-то чем-то недоволен. Претензии возникали на ровном месте. Начальство бегало и раздражалось, будто всем срочно нужно было куда-то деть своё недовольство, и подходящее место для этого нашли во мне.

Они что, сговорились? — злобно подумал я.

Но вслух, конечно, ничего не сказал. Я ведь был прилежным работником, тем, кто терпит, делает и не создаёт проблем.

На фоне всей этой суеты сон не отпускал меня. Его отголоски крутились в голове, как заевшая пластинка: тропа, кровь, рука, голос, напев.

Я всё чаще поглядывал на часы и провожал взглядом стрелку, надеясь, что от этого она пойдёт быстрее.

И наконец стрелка доползла до 18:00. Свобода, целые выходные впереди, но вместо облегчения внутри снова что-то сжалось. Странная штука: пока сидишь в клетке, хочешь на волю, а когда выходишь — вдруг не понимаешь, что с этой волей делать. Вот такая жизненная дилемма.

Я быстро собрался, переоделся и вышел на улицу. Холодный воздух ударил в лицо, и я вдохнул полной грудью — так, как дышит человек, которого только что отпустили после долгого наказания.

Пятница, отдых, я постоял пару минут у выхода и вдруг

понял, что домой идти не хочу. Не сейчас. В комнате снова будет тишина, кровать, стены и тот самый сон, который всё ещё жил где-то внутри.

Мне нужно было пройтись, проветриться, сбросить этот день хотя бы немного. Я застегнул куртку и пошёл в сторону центра города.

Глава 4. Отражение

Погода в тот вечер была на удивление тёплой и сухой. После долгого рабочего дня это казалось настоящим подарком. Солнце уже клонилось к закату, и его прощальные золотистые лучи цеплялись за окна домов и верхушки деревьев. Ещё немного — и вечер заберёт город себе

Я шёл в сторону центра, не выбирая точного маршрута. Просто хотелось идти не домой, не обратно в привычную обыденность. Нужен был воздух, движение, люди вокруг, хоть что-то, что могло удержать меня в обычной жизни.

Люди шли мне навстречу кто куда. Кто-то домой, кто-то на работу, кто-то просто мимо, со своим лицом, телефоном и усталостью. Иногда попадались улыбки, но я уже не понимал, искренние они или просто привычные. Каждый был занят собой и шёл в своём ритме.

Иногда мне казалось, что сон всё ещё рядом. Не как воспоминание, а как тонкая плёнка поверх реальности. Город был обычным: машины, витрины, голоса, шаги. Но где-то под этим обычным светом всё равно чувствовалась тьма. Она не исчезла, а просто научилась прятаться. Или это я научился прятать её где-то глубоко внутри.

Проходя мимо уличных витрин, я вдруг замедлил шаг. Одна из них выделялась среди остальных: тёплые лампы, чистое стекло, аккуратно расставленные вещи. Внутри всё сто-

яло ровно и спокойно, и казалось, что хотя бы в этом маленьком пространстве у мира ещё сохранялся порядок. Два манекена стояли чуть в стороне друг от друга, как люди, которые давно знают, где их место.

Первый был в сером пальто. Тёмные вставки на локтях, строгие брюки, аккуратные ботинки. Всё подобрано точно, без лишнего. Даже пустое лицо манекена почему-то выглядело увереннее, чем лица многих живых людей.

Я поймал себя на мысли: вот бы мне такое. Потом посмотрел на ценник, и желание сразу осело. Дорого, слишком дорого, не могу себе позволить, подумал я и словно сделал шаг назад, хотя стоял на месте.

Рядом был второй манекен. Синяя куртка, модные джинсы, светлые кроссовки. Проще, свободнее, но тоже так, будто человек в такой одежде точно знает, куда идёт и зачем.

— Классный прикид, — тихо произнёс я.

Ценник снова быстро вернул всё на место: опять дорого, опять не моё. Внутри что-то неприятно скрипнуло, и на секунду стало обидно, что даже обычная вещь за стеклом может так легко напомнить тебе, где твоё место.

И тут между двумя манекенами стекло поймало моё отражение. Я увидел себя: пальто уже не новое, лицо уставшее, взгляд потухший. Не мёртвый, нет, просто такой, в котором давно не было отдыха. Я смотрел на себя и не мог отделаться от неприятного ощущения: рядом с этими манекенами я выглядел явно лишним.

Я смотрел на своё отражение, и в голове вдруг появилась глупая мысль: почему они выглядят лучше меня? Манекены, куски пластика за стеклом, а всё равно стало неприятно. Абсурд, конечно, но грусть всё равно просочилась наружу.

Внутри сразу поднялся знакомый голос. Не тот, из сна, но чем-то похожий по ощущению.

«Куда тебе? Посмотри на себя. Ты даже рядом с ними выглядишь никудышным человеком».

Голос внутри был сухой и безжалостный.

Я продолжал смотреть на своё отражение между двумя манекенами. И вдруг рядом с ним, в глубине витрины, появилось что-то тёмное. Сначала просто пятно, тень, случайное движение. Но в следующий миг мне показалось, что это рука: тонкая кисть, длинные пальцы, тёмный перстень. Я моргнул — и всё исчезло.

— Да что со мной такое... — выдохнул я.

Я попытался усмехнуться, как обычно, перевести всё в дурацкую шутку, но в этот раз не получилось. Манекены, лампы и моё отражение снова стояли на своих местах. Только теперь смотреть на себя было ещё обиднее. Я отвёл взгляд и пошёл быстрее, надеясь, что смогу уйти не только от витрины, но и от ощущения, которое она во мне подняла.

Через некоторое время впереди я заметил трёх девушек. Они выделялись из общей серой людской массы не громкостью и даже не одеждой, а каким-то живым движением. Шли рядом, смеялись, перебивали друг друга. Одна что-то пока-

зывала на телефоне, другая отмахивалась, третья смеялась громче всех. В них было то, чего мне самому давно не хватало: лёгкость, которая не требовала усилий.

Я смотрел на них и поймал странную зависть: они просто шли рядом, смеялись, радовались чему-то своему и, казалось, не несли на себе весь тяжёлый груз этого мира.

Она шла по центру этой троицы. Одета была просто, но в этом была какая-то внутренняя красота: тёмное элегантное пальто со светлыми вставками на локтях, лёгкий светлый шарф, аккуратные джинсы и светлая обувь. На плече у неё висела небольшая тёмная сумка, которую она придерживала одной рукой. Ничего лишнего не было. Всё смотрелось естественно, без попытки привлечь к себе внимание.

Длинные русые волосы в свете заката казались чуть светлее и мягко ложились на плечи. Лицо было светлым, спокойным, на щеках держался лёгкий румянец. Солнце уже почти ушло к закату, но его последний тёплый свет ещё цеплялся за её лицо и волосы, делая её образ мягче. Глаза — зелёные и живые, не просто красивые. В них было что-то такое, от чего взгляд задерживался сам.

Она улыбалась. Не мне и не кому-то специально, просто улыбалась чему-то в разговоре. Но в этой улыбке не было наигранности, которую я слишком часто видел в людях и в самом себе. В ней была жизнь, тихая и настоящая.

Я замедлил шаг. Смотрел на неё и не мог понять, почему внутри так странно сжалось. Я ведь видел её впервые. Но

ощущение было такое, будто она уже когда-то была где-то рядом со мной.

— Какая милая... — почти беззвучно произнёс я. — Какая красивая.

И тут же поднялась другая мысль: может, познакомиться? Нет, даже не буду пробовать, как всегда опозорюсь. Где её мир — и где мой?

Я проглотил эту мысль и попытался сделать вид, что ничего не почувствовал, что всё это просто иллюзия, мои выдумки. Просто девушка, просто прошла мимо. Такое бывает. Люди каждый день идут мимо друг друга, иногда поднимают взгляд, что-то чувствуют и всё равно проходят дальше, забывая друг друга почти так же быстро, как заметили. Но отвести взгляд оказалось намного труднее, чем я думал.

Я успел посмотреть на неё ещё раз, вскользь. И в этот момент она тоже посмотрела на меня.

Наши взгляды пересеклись.

Что-то внутри заставило меня замереть. Это не был испуг или удар — меня просто поставили на паузу. В одно мгновение стёрлись улица, шум прохожих, яркие витрины, день и рабочая суета. Пространство сжалось до её глаз. В её взгляде не читалось ни удивления, ни насмешки. Лишь странный покой. На секунду показалось, что она не просто меня заметила, а узнала.

И самое странное — мне тоже показалось, что я её знаю. Не мог понять откуда, но ощущение было именно таким.

Нужно было просто пройтись, проветриться, вспомнить, что сегодня пятница, впереди выходные, и обычная жизнь ещё никуда не делась. Но мысль о ней всё равно возвращалась. Я представлял, что однажды встречу её снова — может быть, случайно, на этой же улице или совсем в другом месте, — и тогда уже не пройду мимо, подойду, скажу что-нибудь простое, познакомлюсь. Не сейчас, конечно, а в следующий раз.

От этой мысли внутри стало немного легче, но почти сразу поднялся другой голос, грубый и знакомый: «Даже не надейся. Такие, как она, на таких, как ты, не смотрят».

Я немного напрягся и пошёл. Но чем дальше я шёл, тем сильнее чувствовал: что-то уже изменилось, едва заметно, но всё же изменилось.

Между строк

Между строк

Я дописываю последнюю строку и останавливаюсь, хотя рука ещё какое-то время продолжает держать ручку, как после долгого движения. Пальцы ноют от напряжения, на среднем пальце остаётся тонкая вмятина от корпуса, и только когда я кладу ручку рядом с тетрадью и откидываюсь на спинку стула, до меня доходит, что я почти всё утро просидел в одном положении.

Я глубоко вдыхаю, медленно выдыхаю и смотрю на страницы перед собой. Одни строки получились ровными, другие ушли в сторону, где-то слова налезли друг на друга, где-то я давил на бумагу так сильно, что след от ручки отпечатался на следующем листе. Я смотрю на всё это и не понимаю, как смог написать столько за одно утро, но сильнее всего меня удивляет другое: воспоминания действительно возвращаются.

Они приходят не сразу. Сначала всплывает какая-то фраза, потом лицо, потом ощущение, которое я уже не могу назвать случайным. Чем больше я пишу, тем больше внутри что-то откликается, и мне начинает казаться, что потерянный день не исчез, а просто был закрыт от меня до этого момента.

Я провожу ладонью по лицу и смотрю на часы. На часах

ровно двенадцать. С момента, как я сел за тетрадь, прошло уже несколько часов, хотя по ощущению я только начал вытаскивать из памяти первые обрывки. За окном жизнь идёт своим ходом: кто-то проходит по улице, в подъезде хлопает дверь, где-то недалеко слышится машина. Всё обычное.

Я поднимаюсь из-за стола, чувствуя, как неприятно тянет спину и слегка немеют ноги, и решаю сходить в уборную, умыться, немного привести себя в порядок и хотя бы на минуту оторваться от тетради.

В уборной я включаю воду, наклоняюсь над раковиной и набираю в ладони ледяную воду. Холод касается лица, стекает по щекам, попадает на шею. Я умываюсь ещё раз, потом ещё, дольше обычного, хочу смыть не усталость, а то странное чувство, которое остаётся после написанного. Когда поднимаю голову, в зеркале на меня смотрит человек, которого я знаю и одновременно не совсем узнаю.

Лицо моё. Волосы мои, только немного намокла чёлка и виски, с подбородка падают капли. Но взгляд почему-то кажется другим. Я не сразу понимаю, что изменилось, а потом замечаю: в нём нет той прежней суеты, к которой я привык настолько, что перестал её замечать.

— Странно, — тихо говорю я.

Я стою перед зеркалом и просто смотрю на себя. Обычно в такие моменты внутри уже начиналась какая-то спешка: надо идти, надо что-то делать, я опять теряю время. Даже дома мне редко удавалось спокойно остановиться, а сейчас я

стою — и ничего. Не хочется бежать, не хочется хвататься за телефон, не хочется срочно чем-то себя занять. Просто стою перед зеркалом, с мокрым лицом, и мне странно от того, что внутри тихо: не безупречное спокойствие, нет, просто тише, чем обычно. Я смотрю на своё отражение и думаю, что мне сейчас не надо никуда торопиться. Надо только вернуться к столу и дописать то, что начало приходить.

Я снова набираю воду, плескаю себе в лицо, провожу ладонями по лицу, вытирая подбородок и смотрю в зеркало. В этот момент в моих глазах на долю секунды появляется слабый синеватый отблеск. Он возникает резко и тут же пропадает.

Я не успеваю осознать, что произошло. Я моргаю и наклоняюсь к зеркалу, пытаюсь понять, не показалось ли мне, и в этот момент по самому краю стекла проходит тонкая трещина. Она появляется бесшумно, короткая и неровная, от самого угла. Я замираю, несколько секунд смотрю на неё, потом осторожно провожу по трещине кончиком пальца.

Я чувствую неровность стекла. Значит, трещина настоящая. некоторое время просто стою и смотрю на тонкую линию на зеркале, пытаюсь понять, что сейчас произошло. Потом ещё раз смотрю на своё отражение, на угол зеркала и начинаю искать обычное объяснение. Странно, конечно... но мало ли. Может, зеркало давно было надколото, может, я раньше просто не обращал внимания. Я вытираю лицо полотенцем, выключаю воду и решаю не застревать на этом.

Я выхожу из уборной и направляюсь обратно к столу. По дороге поднимаю глаза и вдруг останавливаюсь. Смотрю прямо перед собой, но краем глаза замечаю странный надрыв. Сбоку, в воздухе, что-то выглядит не так, как должно. Я моргаю, но это не исчезает. Надрыв остаётся на месте — похожий на край листа, если его случайно зацепить и немного надорвать. Не до конца, а только чуть-чуть. Я всё ещё смотрю прямо перед собой, но продолжаю видеть эту рваную линию самым краем взгляда, и от этого мне становится не по себе.

Стол на месте, тетрадь раскрыта, ручка лежит рядом. Всё вокруг обычное, только сбоку, на самом краю взгляда, всё ещё держится этот странный надрыв. Я перевожу взгляд на часы и вижу: 10:22. Странно. Когда я вставал из-за стола, было ровно двенадцать. Я это точно помню.

Я присматриваюсь к стрелке. Она идёт как обычно, вперёд, ровно, без рывков. Я не понимаю, что случилось.

Я моргаю, и надрыв исчезает. Стою посреди комнаты и смотрю перед собой: стена обычная, свет обычный, всё как было. Только часы всё ещё показывают 10:22.

— Показалось, — говорю я, хотя сам себе не верю.

Медленно подхожу к столу и сажусь. Рука сама тянется к ручке. Передо мной снова исписанные страницы и чистое место ниже последней строки. Останавливаться нельзя. За встречей у витрины, за той девушкой и за этим странным узнаванием есть что-то ещё. Я пока не понимаю что, но чувствую: это было не просто так. Надо писать дальше, пока всё

снова не ушло.

Я вдыхаю, опускаю ручку к бумаге и снова начинаю.